

Увидев, что у Цзянь Юя неважное настроение, Цинь Янь поспешно сказал:

— Не переживай, невестка, ты же знаешь, на что способен братец Лу?

Цзянь Юй хотел было что-то сказать.

Цинь Янь тут же продолжил:

— Братец Лу непременно накажет Гу Бэя так, что тот засомневается в жизни. Это называется: в гневе броситься на защиту любви!

Цзянь Юй улыбнулся и проглотил слова, которые вертелись на языке.

Разве Лу Чжи стал бы наказывать Гу Бэя из-за него? Гу Бэй вечно провоцировал, так что Лу Чжи наверняка уже давно придумал для него кучу наказаний.

Сегодняшний случай — всего лишь искра, взорвавшая эту бомбу.

Только одно Цзянь Юй вынужден был признать: он и сам был удивлён.

Сегодня лошадь понесла, и когда он чуть не упал, Лу Чжи вдруг бросился его ловить.

В такой опасной ситуации ни в чём нельзя быть уверенным — вдруг Лу Чжи тоже получил бы серьёзные травмы?

По сути, при их договорённости Лу Чжи вполне мог бы не ловить его, а потом отвезти в больницу и оплатить лечение — это уже было бы больше чем достаточно.

Лу Чжи — глава корпорации, умелый делец, он привык использовать любой случай для достижения своих целей.

Если бы не Лу Чжи, сегодня он получил бы гораздо более серьёзные раны.

Услышав шум у двери, Цзянь Юй обернулся и снова надел свою обычную улыбку:

— Господин Лу.

В палате.

Он заметил, что Цзянь Юй, кажется, часто бессознательно смотрит в окно, и каждый раз, когда смотрит, в его глазах стоит лёгкая, нерассеивающаяся тень.

Он ответил так небрежно, словно броситься спасти человека вовсе не опасно, и к тому же принялся успокаивать Цзянь Юя, чтобы тот не чувствовал вины.

Сказав это, он, не слушая, что там ещё говорят, решительно повесил трубку.

— Мм. — Лу Чжи был немногословен, и, произнеся это, просто молча встал рядом.

Несколько распоряжений — и две компании Гу Бэя не устояли.

Чжао Муя напряжённо проговорила:

— Что такое Цзянь Юй? Он стоит того, чтобы ты так поступал?

Лу Чжи просто поставил телефон на беззвучный режим и убрал в карман пальто.

Только по его виду можно было кое-что понять.

— Уже лучше. Медсестра только что обработала рану, почти не болит.

В аварийной лестничной клетке свет был тусклый, лишь слабый луч падал наискось на его лицо, отчего он казался ещё более непроницаемым.

Лу Чжи равнодушно произнёс:

— Это было просто по пути. Не бери в голову.

Лу Чжи не стал отрицать, холодно сказав:

— Сначала спросил бы лучше, что он сегодня натворил. Цзянь Юй из-за него получил серьёзные раны.

Цинь Янь вызвался сам сходить за едой.

Лу Чжи холодно усмехнулся:

— Это ещё нужно отвечать?

Вскоре даже Чжао Муя узнала новость и сразу позвонила Лу Чжи.

В голосе Лу Чжи прозвучало предупреждение:

— Цзянь Юй — человек, на котором я собираюсь жениться. Следи за своими словами.

Его тон был небрежным, ничуть не похожим на человека, который только что собственноручно уничтожил две компании Гу Бэя.

Линь Боуй и медсестра тоже ушли по делам.

Цзянь Юй сам заговорил:

— Господин Лу, сегодня я очень вам обязан. Если бы не вы, я не знаю, насколько серьёзные раны получил бы.

Он полулежал на больничной койке, глядя в окно.

Лу Чжи наказал Гу Бэя вовсе не полностью из-за него; сегодняшний случай — самое большое удобный предлог.

В этот момент в пожарном проходе больницы.

Лу Чжи, высокий и статный, холодно стоял там, быстро обзванивая подчинённых и отдавая распоряжения.

Когда Лу Чжи вошёл, он увидел именно эту картину.

Уже наступило время ужина.

Глаза Лу Чжи были как чёрная бездна:

— Эти слова я слышал бесчисленное множество раз с детства. Лучше потратить время на то, чтобы найти деньги и спасти компанию Гу Бэя, чем повторять мне это.

Чжао Муя, похоже, разбила там чашку — звон стекла смешался с её безжалостным голосом:

— Лу Чжи, я жалею, что не избавилась от тебя, когда ты был ещё в утробе.

Лу Чжи шагнул к нему, остановился у кровати и, глядя вниз, спросил:

— Получше?

Однако Лу Чжи рискнул и спас его.

Чжао Муя холодно фыркнула:

— Ты хочешь сказать, что не остановишься в деле с компанией твоего брата?

Из-за капельницы Цзянь Юю предстояло провести в больнице ещё какое-то время.

Такой случай выпадает нечасто.

Вскоре Чжао Муя позвонила снова.

В палате остался один Цзянь Юй.

Лу Чжи холодно посмотрел на определившийся номер, затем неторопливо ответил:

— Алло?

Цзянь Юй, вообще-то, догадался верно.

Чжао Муя по-прежнему держалась с обычной аристократической осанкой, лишь голос её чуть дрожал:

— Лу Чжи, в компании твоего брата образовалась огромная финансовая дыра, скоро её нечем будет закрыть. Это ты сделал?

Цзянь Юй обнаружил, что, узнавая всё больше, он яснее понимает, что за человек Лу Чжи.

В некотором смысле Лу Чжи действительно очень хороший человек.

—

Следующие несколько дней Цзянь Юй провёл в вилле.

Он и раньше вёл праздный образ жизни, день-деньской ничего не делая, а теперь, когда нога была повреждена, тем более: он только и делал, что жил в вилле, даже за порог не выходя.

Всё равно каждый день есть, пить — что хочешь, а когда нечем заняться, можно играть в игры, смотреть фильмы. Лучшей жизни и не придумать.

В один из дней Цзянь Юй обнаружил на первом этаже виллы кладовку.

Кладовка в вилле, конечно, отличалась от обычных — там были расставлены исключительно дорогие вещи.

Цзянь Юй, осторожно ступая на повреждённую ногу, медленно вошёл и осмотрелся.

Там были пианино, письменные принадлежности, чайный набор из пурпурной глины, классика и тому подобное — видно, всё держали для приёма гостей.

Цзянь Юя другое не интересовало, зато привлекло то самое пианино.

Он подошёл, открыл крышку, легонько провёл пальцами по клавишам — в голове уже всплыли несколько мелодий.

Вообще-то он тоже умел играть на пианино.

В том мире его приёмная мать была известной пианисткой, и после того как Цзянь Юя удочерили, он под её влиянием и руководством тоже научился.

Однако не прошло и двух лет, как у приёмной матери наступил творческий кризис: она ходила хмурая, часто не спала по ночам, а в тяжёлые дни лишь снотворное позволяло ей задремать на короткое время.

Со временем нрав приёмной матери становился всё более вспыльчивым, она то и дело срывалась на Цзянь Юе с истерикой.

Цзянь Юй в тот период каждый день жил в тревоге, вёл себя всё осторожнее, боясь задеть за живое.

Но как бы он ни старался, как бы ни пытался быть хорошим послушным ребёнком, не доставлять приёмным родителям хлопот, в конечном счёте ему не удалось избежать участи быть брошенным.

Когда у приёмного отца тоже возникли проблемы с бизнесом, Цзянь Юя окончательно стали считать обузой, и в одну снежную зиму его выгнали из дома...

— Ты умеешь играть?

Внезапно раздался низкий, бархатный голос, прервавший мысли Цзянь Юя.

Цзянь Юй обернулся и увидел Лу Чжи, прислонившегося к дверному косяку.

Видно, после того как несколько дней назад решили проблему с Гу Бэем, Лу Чжи сейчас выглядел более расслабленным, чем обычно: скрестив руки на груди, он стоял, прислонившись к косяку, — стройный и статный.

Цзянь Юй кивнул:

— Мм, немного.

Сказав это, он виновато посмотрел на Лу Чжи:

— Господин Лу, я вас побеспокоил?

Он только что бесцельно нажал несколько клавиш, издав немного звуков.

— Нет. — Лу Чжи приподнял подбородок, показывая: — Раз умеешь, можешь играть, когда захочешь.

Цзянь Юй улыбнулся ослепительно, глаза его изогнулись:

— Спасибо, господин Лу.

Раз уж разговор зашёл, Цзянь Юй тут же сел за пианино, положил руки на клавиши и попробовал сыграть.

Сначала он немного сбивался — всё-таки давно не прикасался к инструменту, — но после нескольких проб он всё больше осваивался и снова ощутил то, что чувствовал в прошлой жизни.

В вилле полилась мелодичная музыка.

Лу Чжи, стоя в дверях, некоторое время молча смотрел на Цзянь Юя.

Он понял, что Цзянь Юй только что скромничал — это вовсе не «немного». Хотя до уровня мастера далеко, но устроить небольшой концерт ему было бы нетрудно.

В этот момент Цзянь Юй сидел за пианино с безмятежным, сосредоточенным выражением лица, его белые изящные пальцы касались чёрно-белых клавиш.

Ветер влетал в окно, белые шторы колыхались, и Цзянь Юй, сидящий посреди этого, был прекрасен, как картина.

Только он сыграл лишь одну пьесу и остановился.

Лу Чжи поднял бровь:

— Продолжишь?

Цзянь Юй уже не сидел так прямо, как раньше, а лениво откинулся на стул и, встряхнув

кистью, сказал:

— Устал. В следующий раз поиграю.

Лу Чжи: «...»

Вот именно — это полностью в духе Цзянь Юя.

Заметив, что у Лу Чжи странное выражение лица, Цзянь Юй невольно спросил:

— Что такое?

— Ничего. — Лу Чжи выпрямился и позвал Цзянь Юя: — Если не играешь, иди сюда, я намажу тебе лекарство.

— А, хорошо.

Цзянь Юй поднялся со стула и послушно поплёлся за Лу Чжи в гостиную.

Правая нога Цзянь Юя была повреждена, причём снаружи, самому себе мазать было неудобно, поэтому последние два дня этим занимался Лу Чжи.

Сейчас Цзянь Юй пришёл в гостиную и сел на диван.

Он вытащил правую ступню из мягкого тапка и поставил её на низкую скамеечку.

Лу Чжи, достав лекарство, спокойно сказал ему:

— Закатай штанину.

— Хорошо.

Цзянь Юй послушно выполнил.

Последние дни, чтобы удобнее было мазать, он носил свободные домашние брюки — стоит только задрать, и голень видна. Очень удобно.

Лу Чжи взял ватную палочку, обмакнул в лекарство.

Его пальцы были с чётко очерченными суставами, движения неторопливые — даже такое простое действие выглядело необычайно приятно.

Он обмакнул палочку в лекарство и начал наносить его на рану Цзянь Юя.

— Ай... — Цзянь Юй резко отдёрнул ногу.

Лу Чжи, не промедлив ни секунды, перехватил его ногу, не дав удариться о журнальный столик.

Нога и так болела, а после такого удара стало бы ещё хуже.

Тут только Лу Чжи поднял глаза и спросил Цзянь Юя:

— Что случилось?

Цзянь Юй нахмурился, в глазах блеснули слёзы, он прикусил губу и сказал:

— Не знаю. Вдруг резко заболело.

С этими словами он поднял на Лу Чжи влажные глаза:

— Сегодня другое лекарство? Раньше не болело.

Лу Чжи спросил:

— Сильно болит?

Цзянь Юй, расстроенно надув губы, кивнул.

Видя, что Цзянь Юй уже чуть не плачет от боли, Лу Чжи нахмурился и, придерживая его ногу, осмотрел её.

Ладонь Лу Чжи была широкой и тёплой, а температура тела Цзянь Юя пониженная — контраст ощущался отчётливо.

Цзянь Юю казалось, что в местах, которых касаются пальцы Лу Чжи, температура заметно повышается.

К тому же его кожа была нежной и гладкой, а подушечки пальцев Лу Чжи, привыкшие к бумагам, — наоборот, чуть шершавыми, и когда они проводили по его голени, это ощущалось необычайно остро.

Цзянь Юю снова захотелось отдёрнуть ногу — на этот раз не из-за боли, а из-за странного ощущения.

К счастью, осмотрев, Лу Чжи быстро отпустил его и взял пузырёк с лекарством:

— Это средство от шрамов, состав отличается от прежнего. Возможно, у тебя чувствительность к какому-то компоненту.

Вспомнив пронзительную боль, Цзянь Юй робко предложил:

— А можно не мазать этим средством?

Лу Чжи взглянул на ногу Цзянь Юя.

Цзянь Юй весь был очень белокожим, ноги тоже, кожа нежная и гладкая.

Сейчас, возможно из-за лёгкого волнения, его пальцы на ноге беспокойно поджались — от этого он казался ещё более хрупким и милым.

Если на такой ноге останется большой шрам...

Лу Чжи возразил:

— Точно не хочешь? Линь Боюй сказал, это лучшее средство от шрамов. Может, попробуем ещё раз — вдруг потерпишь.

Цзянь Юй надул губы — он больше всего боялся боли.

Но он знал, что Лу Чжи желает ему добра, и в конце концов кивнул:

— Хорошо.

Только голос его дрожал, словно он очень боялся.

Лу Чжи снова обмакнул палочку в лекарство, на этот раз действуя ещё осторожнее и медленнее, и нанёс его на шрам.

После одного мазка он спросил, как ощущения:

— Ну как?

Цзянь Юй честно ответил:

— Сейчас легче.

Возможно, нога уже привыкла к лекарству, боль была не такой сильной, как в первый раз, —

вполне терпимо.

— Мм. — Видя, что всё в порядке, Лу Чжи спокойно и тщательно закончил наносить средство на остальные участки.

Когда старый господин Лу приехал на виллу, он как раз застал сцену, как Лу Чжи мажет Цзянь Юю лекарство.

Он аж выпучил глаза, поперхнулся и чуть не заработал разрыв сердца от изумления.

<http://bllate.org/book/19122/1877970>